

20 мая 2023 г.

Политика США в Центральной Азии: инерция и новации

Евгений Троицкий

Хаотически-поспешный вывод американских войск из Афганистана в августе 2021 г. заставил многих аналитиков говорить если не об уходе США из Центральной Азии, то о резком ослаблении их позиций в регионе. Действительно, активность американской дипломатии в странах Центральной Азии на время снизилась. Но уже в 2022 г., с началом специальной военной операции (СВО) на Украине, в центральноазиатской политике США началась новая фаза активизации.

Доктрины и цели

Администрация Дж. Байдена не формулировала новых программных установок в отношении Центральной Азии. Остался в силе программный документ «Стратегия США в Центральной Азии на 2019 – 2025 гг.», принятый администрацией Д. Трампа в феврале 2020 г., сохранены формат «C5 +1», многосторонние встречи в рамках Соглашения о торговле и инвестициях, двусторонние диалоговые механизмы. В «Стратегии национальной безопасности США», опубликованной в октябре 2022 г., говорится о продолжении «поддержки независимости, суверенитета и территориальной целостности» государств Центральной Азии», «устойчивости и демократическом развитии» стран Центральной Азии, содействии их адаптации к изменению климата, содействии «интеграции в регионе», его «связанности с глобальными рынками», энергетической и продовольственной безопасности.

Евгений Троицкий, профессор кафедры мировой политики Национального исследовательского Томского государственного университета.

Исследование выполнено при поддержке Программы развития Томского государственного университета (Приоритет-2030).

Высказанное в публикации мнение отражает исключительно личный взгляд автора
и может не совпадать с точкой зрения Центра евразийских исследований ТГУ

Расстановка акцентов, однако, изменилась. Визит госсекретаря США М. Помпео в Казахстан и Узбекистан в феврале 2020 г. был отмечен преимущественно антикитайской риторикой: администрация Трампа ясно дала понять центральноазиатским партнерам, что именно КНР является главной угрозой их независимости и суверенитету. Три года спустя, визит госсекретаря Э. Блинкена в Казахстан и Узбекистан 28 февраля – 1 марта 2023 г. отличался накалом анти-российских заявлений.

Показательно, что в «Стратегии национальной безопасности», опубликованной администрацией Трампа в конце 2017 г., был отдельный раздел «Южная и Центральная Азия», где собственно Центральной Азии было уделено небольшое внимание. В «Стратегии» Дж. Байдена Центральная Азия оказалась в разделе «Углубление альянса с Европой», посвященном преимущественно борьбе с российской угрозой; Южная Азия «переехала» в раздел «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион». Включение тезисов о Центральной Азии в «европейский» раздел «Стратегии» отражает распределение сфер ответственности в аппарате Совета национальной безопасности США. В госдепартаменте по-прежнему действует общее Управление по делам Южной и Центральной Азии.

Основная цель нынешнего этапа политики США в Центральной Азии – ослабление позиций России в регионе, торпедирование российских интеграционных проектов в Центральной Азии, подрыв двусторонних отношений России со странами региона с использованием метода «кну́та» (угроз наложения санкций за сотрудничество с Россией) и «пряника» (предоставления преференций, призванных продемонстрировать выгоду переориентации на сотрудничество с США и их союзниками). Одновременно, однако, США не могут упускать из виду активные действия, которые предпринимает на центральноазиатском направлении Китай, признанный Вашингтоном единственным соперником, имеющим как намерения, так и возможности «изменить международный порядок». Сдерживание Китая в регионе является, в среднесрочной перспективе, не менее важной задачей, чем ослабление российского влияния. С точки зрения Вашингтона, также необходимо не допустить и усиления региональных позиций Ирана, главной угрозы американским интересам на Ближнем Востоке.

США, вынужденные проводить активную внешнюю политику во всех регионах мира, очевидно, не располагают достаточными ресурсами, чтобы проводить в Центральной Азии политику «двойного сдерживания» России и Китая. Вашингтон не может в достаточной степени опереться в Центральной Азии на своих союзников: ни ЕС, ни Япония, ни признанная «основным оборонным партнером» США Индия не располагают в регионе прочными позициями. Напряженные отношения с Анкарой не позволяют рассчитывать и на Турцию. Соответственно, основным проводником американской политики в Центральной Азии должны стать сами элиты центральноазиатских стран, а ключевыми задачами, работающими на геостратегические цели Вашингтона, становятся:

1. Стимулирование стран региона к «интеграции», но интеграции «в пределах» Центральной Азии, без России и Китая. Показательно, что если в «Стратегии национальной безопасности» 2017 г. упоминалась необходимость содействия интеграции Центральной и Южной Азии, то в действующем документе речь идет только о внутрирегиональной интеграции. Фактически под «интеграцией» понимается создание коалиции стран региона, прежде всего альянса Астаны и Ташкента, сдерживающего российское и китайское влияние.
2. Усиление позиций проамериканских групп интересов в политической, деловой, научно-образовательной и культурной элитах стран региона, прежде всего Казахстана и Узбекистана.

Многосторонние форматы

С 2015 г. действует многосторонний формат «C5+1». Показательно, что в первый год работы администрации Байдена уровень и интенсивность встреч (отчасти из-за коронавирусной пандемии) упали: в мае 2021 г. состоялась министерская встреча в онлайн формате, в июле 2021 г. американскую делегацию на министерской встрече в Ташкенте возглавила заместитель помощника президента по национальной безопасности, весной 2022 г. встреча не состоялась. В сентябре 2022 г. на министерской встрече, организованной «на полях» сессии Генеральной Ассамблеи ООН, было принято решение о создании постоянно действующего секретариата форума. Секретариат стал координировать деятельность трех рабочих групп: по экономике, энергетике и охране окружающей среды и безопасности. Вскоре администрация США объявила о запуске «Инициативы экономической устойчивости» для Центральной Азии, призванной содействовать «экономическому росту в Центральной Азии» в условиях украинского кризиса. Основными направлениями реализации «Инициативы» стали «расширение торговых путей» в обход России, стимулирование частного сектора и развитие сотрудничества в сфере образования и подготовки кадров. Ассигнования на программу составили 25 млн. долл. в 2022 г. и 50 млн. долл. в 2023 г.

На министерской встрече формата «C5+1», проведенной 28 февраля 2023 г. в Астане, было объявлено о запуске новой инициативы – Региональной программы C5+1 по безопасности на границах. В итоговом заявлении встречи подчеркивалась необходимость «коллективной работы по смягчению непреднамеренных последствий санкций для экономик» стран Центральной Азии. Упомянулось о планах проведения многостороннего бизнес-форума.

Другим многосторонним форматом взаимодействия является Совет Рамочного соглашения о торговле и инвестициях, подписанного в 2004 г. В Совет входят должностное лицо, уполномоченное Управлением торгового представителя США, и главы профильных министерств стран Центральной Азии. Под эгидой Совета действуют рабочие группы по цифровой торговле, санитарным и фитосанитарным мерам, правам интеллектуальной собственности, таможенным вопросам, расширению экономических прав и возможностей женщин. Реальное значение Совета невелико, поскольку само Рамочное соглашение носит декларативный характер, и его

деятельность не сказывается на реальных объемах торговли и инвестиций. В конце 2020 г. истекло действие американской Всеобщей системы преференций (ВСП) для торговли с Казахстаном, Кыргызстаном и Узбекистаном (Таджикистан и Туркменистан не охватывались ВСП). Под действие ВСП попадали 14 % казахстанского экспорта в США (свинец, тантал, кремний, феррохром), около 10 % узбекского экспорта и менее 1 % экспорта из Кыргызстана. Продление ВСП – по-видимому, с включением всех стран региона – обсуждается на ежегодных встречах Совета.

По инициативе Центрального командования (СЕНТКОМ) Вооруженных Сил США ежегодно проводятся военные учения стран региона «Региональное сотрудничество». В августе 2022 г. учения прошли в Таджикистане с участием военнослужащих США, Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, Монголии и Пакистана.

Ряд общерегиональных проектов реализует Агентство по международному развитию (АМР) США, причем число их растет. Так, в 2022 г. АМР начало активную работу в рамках проекта создания единого электроэнергетического рынка стран Центральной Азии. В апреле 2022 г. АМР представило дорожную карту и план действий по реализации проекта, предусматривающую создание Межправительственного совета по координации рынка.

Тем не менее в американской политике в Центральной Азии абсолютно доминирует формат двусторонних отношений со странами региона. «C5+1» и Совет Рамочного соглашения носят сугубо вспомогательный характер.

Политика в отношении Казахстана

Центральноазиатская политика США сфокусирована на Казахстане и Узбекистане. Казахстан, как страна, граничащая с Россией и Китаем, имеет ключевое значение для реализации стратегии ограничения российского и китайского влияния в регионе. Только в Казахстане у США есть мощный рычаг воздействия на руководство страны через значительные инвестиции и широкое присутствие американского бизнеса в экономике. Страна проходит период политических реформ, что расширяет возможности внешнего влияния на казахстанские элиты.

Однако Казахстан тесно связан и с Россией – которая, как показали события января 2022 г., готова решительно отстаивать свои интересы в стране – и с Китаем. В этой связи США вынуждены действовать на казахстанском направлении осторожно и поступательно, учитывая риски, которые может повлечь за собой слишком активное вмешательство во внешнюю и внутреннюю политику Астаны.

На казахстанском направлении американская дипломатия привычно сочетает методы «кнута» и «пряника». С одной стороны, идет небезуспешное давление на Астану с целью не допустить

российские предприятия к новому витку приватизации казахстанской госсобственности. Угрозами «вторичных санкций» Казахстан побуждают к ограничению реэкспорта в Россию подсанкционных товаров. По неофициальным каналам из Вашингтона и Лондона поступают и угрозы заморозки казахстанских активов и собственности казахстанских предпринимателей в странах Запада: прецедент был создан в 2017 г. временной заморозкой части активов Национального фонда Казахстана британским филиалом американского банка.

С другой стороны, США громко заявляют о поддержке программы политических преобразований президента К.-Ж. К. Токаева. Проводятся ежегодные консультации внешнеполитических ведомств, получившие с 2018 г. название «Диалог о расширенном стратегическом партнерстве». США дают высокие оценки активной позиции Казахстана в рамках механизма Консультативных встреч глав государств Центральной Азии, заявляя о «лидерстве» Астаны в регионе. Вашингтон обещает создать благоприятные возможности для экспорта из Казахстана в США целого ряда товаров – в основном, продукции металлургической, химической, пищевой промышленности. Американская сторона намеревается увеличить поставки гражданских самолетов в Казахстан и открыть прямое авиасообщение между Казахстаном и США. В марте 2023 г. США и Казахстан подписали межправительственный меморандум о сотрудничестве в области геологии. Как отмечалось в сообщении министерства индустрии и инфраструктурного развития Казахстана, «меморандум нацелен на практическое применение передовых технологий геологоразведки, создание баз геологических данных и внедрение лучших международных практик и современных технологий геологического картирования».

Значительно продвинулось двустороннее сотрудничество в сфере высшего образования. Беспрецедентный проект реализуется в Петропавловске: с 1 сентября 2022 г. Северо-Казахстанский университет (СКУ) передан в доверительное управление Университету Аризона сроком на десять лет. Согласно постановлению правительства Казахстана, образовательная деятельность будет осуществляться «в соответствии с требованиями Университета Аризона», «лицензирование и аккредитация... будут проводиться в соответствии со стандартами Университета Аризона». Зарубежные преподаватели в итоге должны составить не менее 30 % профессорско-преподавательского состава СКУ.

Политика в отношении Узбекистана

Ключевое значение Узбекистана для центральноазиатской политики США определяется демографическим и экономическим потенциалом страны, ее политической стабильностью, наличием у Узбекистана самых подготовленных в Центральной Азии вооруженных сил. Не будучи участником ЕАЭС и ОДКБ и не имея общей границы с Китаем, Узбекистан располагает более широкой, чем Казахстан, свободой внешнеполитического маневра. Именно Узбекистан был основным военно-политическим партнером США в регионе в конце 2001 – начале 2005 г. Подписанная в 2002 г. двусторонняя декларация о рамках стратегического партнерства и

сотрудничества, фиксирующая, что «США будут с серьезнейшей обеспокоенностью рассматривать любую внешнюю угрозу безопасности и территориальной целостности» Узбекистана, остается основой американо-узбекских отношений.

Узбекистан рассматривается американским политико-академическим сообществом как ядро будущей коалиции центральноазиатских государств, сдерживающей Россию. Показательно, что в конце апреля 2022 г. правоконсервативный фонд «Наследие» опубликовал аналитический материал о развитии американо-узбекских отношений, в котором прямо говорилось об использовании Узбекистана в качестве «союзника против России».

Если американо-казахстанские отношения опираются на тридцатилетний опыт непрерывного развития, то отношения с Узбекистаном складывались неровно, переживая взлеты и падения. В 2022 – начале 2023 гг. США предприняли беспрецедентные усилия, направленные на расширение влияния на узбекскую политическую, деловую и культурную элиту. Американо-узбекские отношения активизировались во всех основных сферах, таких как политический диалог, военно-техническое сотрудничество, экономические связи, деятельность АМР в Узбекистане и образовательное сотрудничество. Вашингтон попытался снизить ущерб, нанесенный репутации США в Узбекистане выводом американских войск из Афганистана и нереализованными (после предыдущего всплеска активности в двусторонних отношениях в 2018 – 2019 гг.) надеждами на приток масштабных американских инвестиций в узбекскую экономику. Показательно, что в марте 2022 г. американская НПО «Коттон кэмпэйн» отменила так называемый «хлопковой бойкот» Узбекистана.

Лоббистом ускоренного развития американо-узбекских отношений выступает вашингтонский Институт Центральной Азии и Кавказа, тесно связанный с Министерством обороны США. С узбекской стороны яркими сторонниками укрепления американского вектора внешней политики выступают бывший министр иностранных дел, спецпредставитель президента по вопросам внешней политики А. Камиллов, первый заместитель председателя верхней палаты парламента, ректор Университета мировой экономики и дипломатии (УМЭД) С. Сафоев, министр по развитию информационных технологий и коммуникаций Ш. Шерматов.

Активную лоббистскую деятельность развернуло и посольство Узбекистана в Вашингтоне. В апреле 2022 г. для работы с конгрессменами и представителями средств массовой информации была нанята юридическая компания Arnold & Porter Kaye Scholer, в сентябре 2022 г. – еще две крупные лоббистские компании, BGR Government Affairs и Akin Gump Strauss Hauer & Feld. Сообщалось, что лоббистской деятельностью в пользу Узбекистана занимается бывшая глава комитета палаты представителей по иностранным делам И. Рос-Лейтинен.

Заметно интенсифицировались политические контакты на высоком уровне. В декабре 2022 г. Вашингтон посетил для участия в заседании двустороннего диалога стратегического

партнерства исполняющий обязанности министра иностранных дел Узбекистана В. Норов. 1 марта 2023 г. состоялся первый визит в Ташкент госсекретаря США Э. Блинкена. В марте 2023 г. Вашингтон посетила дочь президента Узбекистана С. Мирзиёева, работающая в администрации президента; можно предположить, что идет подготовка визита президента Узбекистана в США.

В рамках программы по нераспространению и разоружению, финансируемой госдепартаментом США, в январе 2023 г. Пограничным войскам Узбекистана были переданы 225 инфракрасных монокуляров. В ноябре 2022 г. министерство обороны США передало Силам специальных операций Узбекистана 50 легких тактических боевых машин Polaris MRZR. Вашингтон и Ташкент обсуждают передачу Узбекистану военных самолетов и вертолетов, переправленных в страну из Афганистана после захвата власти талибами. Американские специалисты привлечены к модернизации учебного процесса в Академии вооруженных сил Узбекистана; обсуждается возможность установления сотрудничества между Академией и Национальным университетом обороны США.

В «копилке» недавних достижений в сфере инвестиционного взаимодействия можно отметить проведение в апреле 2022 г. так называемого «первого американо-узбекского фармацевтического саммита», в ходе которого американской стороной было обещано резкое увеличение инвестиций в узбекскую фармацевтическую промышленность; договоренность о привлечении специалистов Геологической службы США к разведке месторождений сланцевого газа и металлов в Джизакской, Самаркандской и Сурхандарьинской областях; инвестиции компании Imperial Jewerly в производство ювелирных изделий на базе завода «Заргарлик» в Ташкенте; создание компаниями “Silverleaf Capital” и BMP Trade текстильного кластера в Джизакской области. Реализуется подписанный в 2017 г. правительством Узбекистана контракт с компанией «Нукем» о поставках уранового концентрата в США. Сообщалось, что компании Air Products и «Узбекнефтегаз» ведут переговоры о реализации проектов в области нефте- и газопереработки.

Беспрецедентный подъем переживает в последние годы деятельность АМР в Узбекистане. АМР реализует в стране широкий спектр проектов, направленных на поддержку судебной реформы, оказание министерству юстиции Узбекистана содействия в разработке Предпринимательского кодекса, поддержку работы уполномоченного по правам предпринимателей, поддержку работы общественных советов при органах государственной власти, финансирование подготовки специалистов в сфере водопользования и сельского хозяйства (в частности, работа идет с Ташкентским институтом инженеров ирригации и механизации сельского хозяйства и Ташкентским государственным аграрным университетом), восстановление экосистемы Аральского моря. АМР расширяет присутствие в Каракалпакстане, где разворачивает массовые курсы по обучению навыкам работы в интернете.

АМР активно взаимодействует с министерством дошкольного и школьного образования Узбекистана. Американские специалисты участвуют в разработке учебников по английскому языку, узбекскому языку, математике и информатике, учебных пособий для обучения старшеклассников экономике и предпринимательству, подготовке учителей. Эксперты АМР привлечены к разработке комплексной программы реформирования дошкольного и школьного образования в Узбекистане.

После вызванного пандемией перерыва вновь начала резко расти численность американцев, преподающих английский язык в высших учебных заведениях и школах Узбекистана. С 2018 г. в Узбекистане активно работает НКО «Американские советы в области образования». Решен вопрос о возобновления деятельности в Узбекистане «Корпуса мира».

В 2019 г. Университет Вебстера, первым из американских университетов, открыл в Узбекистане филиал. Набор студентов на программы бакалавриата (деловое администрирование, международные отношения, экономика, масс медиа, системы управления информацией) составляет 500 человек. Обсуждается развитие сотрудничества между УМЭД и американскими университетами, в частности, в рамках создания нового факультета по переподготовке сотрудников органов государственного управления.

Политика в отношении Кыргызстана

Кыргызстан интересует США, в первую очередь, благодаря существующему в стране либеральному, по сравнению с другими странами региона, режиму деятельности некоммерческих организаций и средств массовой информации. В стране активно действует, зачастую в партнерстве с многочисленными НКО, Агентство по международному развитию. В сотрудничестве с Верховным судом, Конституционным судом и Советом судей Кыргызстана АМР реализует проекты по развитию судебной системы и обучению студентов – будущих юристов. АМР взаимодействует с министерством внутренних дел, министерством труда и социального развития, Государственной миграционной службой, членами парламента, органами местного самоуправления, политическими партиями. Совместно с Фондом Ага Хана и спонсируемым этой организацией Университетом Центральной Азии идет работа по повышению политической активности молодежи. Проекты, направленные на расширение сети независимых СМИ в Кыргызстане, реализуются в партнерстве с НКО «Интерньюс». АМР способствует деятельности в Кыргызстане ряда антироссийски настроенных НПО, в том числе Международного республиканского института, Международного фонда избирательных систем, Национального демократического института. Отдельное направление работы АМР – поддержка Американского университета Центральной Азии.

Двусторонний политический диалог, не отличаясь в целом высокой динамикой, несколько активизировался в 2022 – начале 2023 гг. Центральной проблемой является заключение нового

Соглашения о сотрудничестве взамен документа 1993 г., расторгнутого Бишкеком в 2015 г. Стороны неоднократно заявляли, что новое Соглашение необходимо и почти готово, но сроки его подписания остаются неясными. Отсутствие основополагающего документа сказалось на сокращении американской помощи Кыргызстану (с 51 млн. долл. в 2014 г. до 31 млн. долл. в 2023 г.).

В целом, американская дипломатия убедилась, что частые смены власти в Бишкеке не приводят к значительным колебаниям внешнеполитического курса страны. Хотя американские представители, посещая Бишкек, порой говорят, по привычке или из вежливости, что страна несет в регионе «яркий свет» благодаря ее относительно либеральному политическому климату, в Вашингтоне не питают надежд на то, что Кыргызстан станет проводником американской политики в Центральной Азии. Показательно, что Д. Лу, возглавляющей с 2021 г. в госдепартаменте Управление по делам Южной и Центральной Азии, будучи послом в Бишкеке, в декабре 2020 г. публично заявил о существовании в Кыргызстане «преступной империи». Символично также, что министерская встреча формата «С5+1» 28 февраля 2023 г. состоялась, несмотря на открыто выраженное разочарование кыргызской стороны, не в Бишкеке, как первоначально планировалось, а в Астане.

Политика в отношении Таджикистана

Традиционно невысокий интерес США к Таджикистану, государству, тесно связанному с Россией и Китаем и развивающим сотрудничество с Ираном, начал возрастать после вывода американских войск из Афганистана. Как известно, Таджикистан занял «особую позицию» по афганскому вопросу, отказываясь налаживать отношения с правительством талибов и приступив к оказанию поддержки возглавляемому лидерами таджикской общины Афганистана Фронту национального сопротивления (ФНСА). Эта позиция, повышающая международный «вес» Таджикистана как актора, имеющего влияние на ситуацию в Афганистане, и располагающего каналами взаимодействия с ФНСА, позволила Таджикистану активизировать отношения с США.

Вашингтон расширил военно-техническое взаимодействие с Таджикистаном и сменил риторику в отношении Душанбе на более благожелательную. В июне 2022 г. командующий СЕНТКОМ М. Курилла, совершая турне по странам региона, заявил о намерении расширить помощь Таджикистану в оснащении Пограничных войск и даже выразил «восхищение» «лидирующей ролью» Таджикистана в Центральной Азии. В августе 2022 г. Таджикистан принял организованные СЕНТКОМ многосторонние командно-штабные учения «Региональное сотрудничество 2022». Были проведены и двусторонние американо-таджикские полевые учения.

Вашингтон обещает рассмотреть вопрос о передаче Таджикистану всех или часть афганских военных самолетов и вертолетов, переправленных летчиками Афганской национальной армии после захвата власти талибами на таджикскую территорию. Обещано строительство на

американские средства нового пограничного поста на таджикско-афганской границе. В ноябре 2022 г. посольство США передало Национальной гвардии Таджикистана десять джипов для патрулирования приграничной местности.

Экономическое и гуманитарное взаимодействие США с Таджикистаном минимально. АМР реализует в Таджикистане ряд проектов в сфере здравоохранения и водопользования, взаимодействуя с Фондом Ага Хана. В 2022 г. США начали финансировать действующую в Таджикистане школу для детей афганских беженцев с преподаванием на дари.

Политика в отношении Туркменистана

Туркменистан долгое время оставался на глубокой периферии американской политики в Центральной Азии. Закрытость страны, репутация ее политического режима на Западе как откровенной диктатуры, внешнеэкономическая ориентация Туркменистана на экспорт природного газа в Китай не способствовали развитию американо-туркменских отношений. Однако в 2022 – начале 2023 гг. активность Вашингтона на туркменском направлении значительно возросла. Ее стимулами стали заинтересованность в подрыве попыток России усилить влияние в Туркменистане и расширить российско-туркменское сотрудничество в сфере экспорта и транзита газа, недовольство туркменской стороны условиями и результатами поставок газа в Китай, попытки Ирана наладить торговлю туркменским газом через свои газопроводы или с использованием своповых сделок. Сказались и внутривнутриполитические процессы в Туркменистане. Частое возникновение конфликтных ситуаций между окружением президента С. Бердымухамедова и «ближним кругом» его отца, экс-президента, главы парламента и «лидера нации» Г. Бердымухамедова, дезорганизация бюрократического аппарата в результате формирования двух властных центров и постоянных кадровых перестановок создали благоприятные возможности для работы американской дипломатии с туркменской политической элитой.

Со своей стороны, Ашхабад, идя навстречу Вашингтону, рассчитывает на провоцирование обеспокоенности Китая и России американской активностью в Туркменистане и получение соответствующих бонусов и преференций от Пекина и Москвы в сфере экспорта и транзита газа. Ашхабад надеется на размораживание финансирования строительства трансафганского газопровода Азиатским банком развития, в значительной степени контролируемым США, и на американские инвестиции и кредиты, особенно необходимые в связи с намерением руководства страны создать к концу 2023 г. свободные экономические зоны в каждом из велаятов Туркменистана.

Свидетельством реального «размораживания» двусторонних отношений стал визит в ноябре 2022 г. в Туркменистан заместителя госсекретаря США по Южной и Центральной Азии Д. Лу. Американский дипломат заявил, что США намерены помочь Ашхабаду извлечь выгоду из антироссийских санкций и по-прежнему поддерживают проект Транскаспийского газопровода,

назвал Туркменистан «островом стабильности» в регионе и высказался в поддержку суверенитета страны. Было анонсировано намерение США содействовать развитию связей между американскими и туркменскими высшими учебными заведениями. В феврале 2023 г. в рамках министерской встречи “С5+1” госсекретарь США Э. Блинкен провел двустороннюю встречу с министром иностранных дел Туркменистана, в ходе которой высказался о Туркменистане в исключительно позитивном ключе.

Уже предпринят ряд конкретных шагов. В сентябре 2022 г. Ашхабад посетил командующий национальной гвардией штата Монтана; в ходе визита было заявлено о возобновлении прерванного более десяти лет назад сотрудничества национальной гвардии штата с министерством обороны Туркменистана и участии в этом процессе СЕНТКОМ. В ноябре 2022 г. было подписано первое за долгое время межправительственное соглашение – меморандум о взаимопонимании о сотрудничестве в сферах здравоохранения и медицинских наук, в апреле 2023 г. – меморандум о взаимопонимании о сотрудничестве в сфере образования. В декабре 2022 г. в онлайн-формате прошло заседания долго бездействовавшего Американо-туркменского делового совета. Во встрече приняли участие представители компаний «Джон Дир», «Дженерал Электрик», «Катерпиллар», «Эксон Мобил», «Кейс», «Боинг», «Кока Кола». Глава Делового совета, Э. Стюарт, бывший высокопоставленный сотрудник министерства торговли США, посетил Ашхабад лично и был принят как президентом, так и его отцом. Американская сторона предложила Туркменистану проект строительства газового интерконнектора между туркменским каспийским месторождением Магтымгулы и азербайджанским Азери – Чираг – Гюнешли (своего рода «мини»-транскаспийского газопровода протяженностью 80 км); Ашхабад, впрочем, не проявил заинтересованности, подчеркнув, что нуждается в полноценных экспортных маршрутах.

В свою очередь, Туркменистан согласился на запуск в стране программы «Обмена будущими лидерами» (FLEX), в рамках которой туркменские старшеклассники получают возможность пройти обучение в США. Активизировалась работа AMP в Туркменистане, прежде всего в сферах метеорологии и борьбы с изменением климата, охраны окружающей среды, международной сертификации сельскохозяйственной продукции, развития фондового рынка. В Туркменистане началось формирование сети НКО, позиционирующих себя как экологические или направленные на развитие фермерства и кустарных промыслов, находящихся под патронажем AMP. Обращает на себя внимание программа AMP «Enriching Youth for Tomorrow», формирующая в Туркменистане группы молодежных активистов, менеджеров стартапов, блоггеров.

Инвестиции и торговля

Среди стран региона только в Казахстане, который начал активно привлекать западных инвесторов еще с начала 1990-х гг., сосредоточены значимые американские инвестиции. По

данным на октябрь 2021 г., объем накопленных прямых американских инвестиций в экономику Казахстана оценивался в 40,4 млрд. долл., или 24 % от общего объема накопленных Казахстаном прямых иностранных инвестиций. По этому показателю США устойчиво являются вторым после Нидерландов инвестором в казахстанскую экономику. Сообщалось, что за 2022 г. приток американских инвестиций в Казахстан составил 5,1 млрд. долл. Основными инвесторами являются «Шеврон», «ЭксонМобил», «Флуор», «Бейкер Хьюз», «Дженерал Электрик», а основной сферой капиталовложений – добыча, переработка и транспортировка нефти.

Накопленные прямые американские инвестиции в Узбекистане скромны и оцениваются в 100 млн. долл.; реализуются проекты малого и среднего масштаба. Озвученные в октябре 2018 г. по итогам узбекского-американского делового форума узбекской стороной планы привлечь в страну до 2,5 млрд. долл. американских инвестиций далеки от материализации. Достоверные оценки накопленных прямых американских инвестиций в Кыргызстане и Таджикистане составляют соответственно 29 и 38 млн. долл., американских инвестиций в Туркменистане практически нет.

Данные о торговле США со странами Центральной Азии в 2020 – 2022 гг. приведены в таблице.

Товaroоборот США со странами Центральной Азии в 2020-2022 гг. (млн. долл.)

Страна	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Казахстан	1636	2272	3100
Узбекистан	277	426	437
Кыргызстан	123	105	71
Таджикистан	39	45	124,5
Туркменистан	48	104	98

Для Казахстана США являлись в 2022 г. девятым по объему товарооборота внешнеторговым партнером (2,3 % внешнеторгового оборота страны). По объемам импорта в Казахстан США занимали четвертую позицию; при этом во взаимной торговле сложилось положительное сальдо в пользу США в сумме 700 млн. долл. Среди внешнеторговых партнеров Узбекистана США занимали шестнадцатую строчку (0,9 % внешнеторгового оборота Узбекистана). Для Таджикистана США в 2022 г. стали пятым партнером по объемам импорта (1,7 % внешнеторгового оборота), но таджикский экспорт в Соединенные Штаты не «дотянул» и до 1 млн. долл. У Кыргызстана и Туркменистана доля США во внешнеторговом обороте составила в 2022 г. соответственно 0,6 % и 0,7 %.

Промежуточные итоги и прогноз

В целом, американские позиции в регионе, особенно экономические, остаются слабыми и далеко не соответствуют масштабности поставленных задач. Элиты стран региона не склонны

доверять Вашингтону: крах курируемого США афганского правительства – яркий пример готовности США избавляться от слишком обременительных обязательств. США не могут оказывать странам региона значимого содействия в сфере обеспечения безопасности, не готовы к значительным финансовым вложениям в экономику Центральной Азии. Американские эксперты и дипломаты пытаются убедить руководство стран региона, что любой исход СВО на Украине станет неблагоприятным для центральноазиатских государств, побудив Россию усилить давление на южных соседей, доказывают пагубность экономической зависимости от Китая. Но США не могут предложить странам Центральной Азии и доли того, что обеспечивают Россия и КНР.

Однако сотрудничество с США нужно странам региона. Взаимодействие с США усиливает их позиции в отношениях с Россией и Китаем, как и в целом в международной системе, повышает шансы на сдерживание деструктивного потенциала США, известных способностью оказывать дестабилизирующее влияние на внутреннюю политику стран, действующих вопреки американским интересам, наносить ущерб всему комплексу их внешнеполитических и внешнеэкономических связей. Для Казахстана важны американские инвестиции и импорт из США высокотехнологичного оборудования. Средства, выделяемые Вашингтоном на проекты в области здравоохранения, образования, водопользования, значимы для Кыргызстана и Таджикистана.

Главные промежуточные итоги американской политики в регионе – создание механизмов инфильтрации политических, деловых, научно-образовательных и культурных элит стран региона лояльными Вашингтону кадрами, обеспечение устойчивой деятельности американских НКО в Казахстане, Кыргызстане и, во все большей степени, в Узбекистане, резкий рост численности американских преподавателей в узбекских вузах и школах, открытие филиалов американских университетов в Казахстане и в Узбекистане, формирование в странах региона сети средств массовой информации, тиражирующих американское восприятие России и Китая как основных угроз центральноазиатским государствам.

Основной сценарий эволюции политики США в регионе – осторожное, шаг за шагом, расширение влияния. Вашингтон будет ориентироваться на среднесрочную перспективу, избегая резких шагов, которые могли бы «вспугнуть» центральноазиатские элиты. «Вторичные санкции» против стран региона останутся символическими, затрагивая отдельные, далеко не самые значимые компании (как в случае с уже попавшими в санкционные списки двумя узбекскими предприятиями). В краткосрочной перспективе можно ожидать политической поддержки формированию в регионе казахстанско-узбекского тандема как будущего «бастиона» против российского и китайского влияния, организации визитов в США президентов Казахстана и Узбекистана, подписания американо-кыргызского соглашения о сотрудничестве, возобновления финансирования Азиатским банком развития проекта трансафганского газопровода. Следует ожидать и дальнейшего наращивания масштабов и направлений

проецирования американской «мягкой силы» в Узбекистан и Казахстан, с прицелом на формирование в течение трех – пяти лет в элитах этих государств значительного и активного сегмента лояльных США кадров. Вероятно предложение американской стороной посреднических услуг в разрешении таджикско-кыргызских противоречий. Вашингтон будет стремиться активно вовлечь в центральноазиатскую политику Японию как проводника американских интересов и спонсора курируемых США проектов помощи странам региона. Если к власти в Анкаре придет лояльная США когорта турецких политиков, Вашингтон может попытаться воспользоваться для достижения собственных целей разветвленной инфраструктурой влияния, созданной в Центральной Азии Турцией.

Второй, менее вероятный, сценарий – попытка Вашингтона создать в Центральной Азии масштабный очаг нестабильности, фактически открыв против России «второй фронт». С этой целью может быть активизирована американская агентура в Афганистане и Пакистане. Опасность этого варианта для США состоит в вероятном солидарном ответе России и Китая и резком ослаблении ориентирующихся на США элитных группировок в странах Центральной Азии. Соответственно, к реализации этого сценария США могут перейти либо в случае приближения в ходе СВО «коренного перелома» в пользу России, либо при затягивании СВО до момента, который в Вашингтоне сочтут точкой максимального ослабления России.

Наконец, третий и наименее вероятный сценарий – «уход» США из Центральной Азии, сведение американской активности в регионе к минимуму. Смена администрации в Вашингтоне может спровоцировать переосмысление сложившихся в мире реалий и признание американским политическим классом необходимости сосредоточить усилия на поддержании позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Латинской Америке, предоставив удаленные части Евразии собственной судьбе. Логика и идеология геостратегического противоборства оставляют этому сценарию минимальные шансы на реализацию.

Список использованных источников и литературы

- United States Strategy for Central Asia 2019-2025. <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf>
- US National Security Strategy. October 2022. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>
- C5+1 Diplomatic Platform. Fact Sheet. <https://www.state.gov/c51-diplomatic-platform/>
- Joint Statement on the Results of the Council Meeting of the U.S. – Central Asia Trade and Investment Framework Agreement. <https://kz.usembassy.gov/joint-statement-on-the-results-of-the-council-meeting-of-the-u-s-central-asia-trade-and-investment-framework-agreement-tifa-2/>
- Kim A., Tsereteli M. A New Horizon for the United States – Uzbekistan Relationship. <https://www.heritage.org/asia/commentary/new-horizon-the-united-states-uzbekistan-relationship>

Starr S.F. Rethinking Greater Central Asia: American and Western Stakes in the Region and How to Advance Them. <https://silkroadstudies.org/resources/pdf/SilkRoadPapers/220615-Starr-Final.pdf>
Trade Map. Trade statistics for international business development. <https://www.trademap.org/Index.aspx>